

*Ю.А. Лысенко***Проблемы социокультурной и хозяйственной адаптации крещенных казахов Киргизской духовной миссии Омской епархии (конец XIX – начало XX в.)**

Ключевые слова: православная церковь, ислам, духовная миссия, миссионерство, казахи, русские, казаки, крестьяне-переселенцы, цивилизация, культура, адаптация.

Keywords: socio-cultural adaptation, Kirghizskaya Orthodox Mission, newly baptized Kazakhs.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди инородческих народов Российской империи являлась одним из компонентов национальной политики государства, направленной на сглаживание этнических различий и создания суперэтноса на основе русской православной культуры. Данная тенденция обозначилась еще в XVII–XVIII вв., когда принявшие православие нерусские народы Поволжья и Западной Сибири изолировались от соплеменников, для них создавались специальные поселки для новокрещенных. Если же количество новокрещенных не являлось достаточным для образования отдельного поселка, они обязаны были селиться в русской округе и зачисляться в казачье сословие [1, с. 54–56].

Во второй половине XIX в. на волне «христианского просвещения» в Казани оформилась новая система и методика миссионерской деятельности, разработанная Н.И. Ильминским [2, с. 59–69], главное место в которой отводилось религиозному просвещению нерусских народов в особых миссионерских школах. Цель обучения – распространение христианской идеологии среди «инородцев» путем использования их родного языка в качестве орудия церковного служения и постепенный переход их на русский язык. В основу системы легли Правила от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», после утверждения которых система Н.И. Ильминского стала общегосударственной в просвещении нерусских народов Востока России [3, с. 25]. Конечной целью обучения, указывал Н.И. Ильминский, «должно стать обрусение инородцев и совершенное слияние их с русским народом по вере и языку» [4, с. 12].

Развернувшаяся в 80-е гг. XIX в. миссионерская работа Русской православной церкви среди казахского населения Степного генерал-губернаторства*, безусловно, преследовала цели, обозначенные

* По «Временному положению» 1891 г. в состав Степного генерал-губернаторства вошли Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области. Киргизская (казахская) духовная миссия была образована в 1882 г. и действовала первоначально в составе Алтайской миссии Томской епархии, а в 1895 г. получила статус автономной и была передана в ведение Омской епархии.

Н.И. Ильминским: по отношению к новообращенным казахам применялся ряд мероприятий социокультурной направленности, призванный обеспечить их влияние в русскую этническую среду и полное разрушение у них не только религиозного (исламского), но и этнического идентитета. Для достижения поставленной цели работа Киргизской миссии первоначально была организована среди той части казахского этноса, которая в условиях степного приграничья активно контактировала с казаками Сибирского казачьего войска. Основой взаимодействия между двумя этносами являлась главным образом экономическая составляющая. В условиях отбывания постоянной воинской обязанности казаки значительное время проводили на военных сборах и службе, что не позволяло им полноценно заниматься ведением земледельческого хозяйства. В этой ситуации они активно использовали наемный труд казахов, которые в большинстве случаев по той или иной причине лишились скота и не имели возможности заниматься традиционным кочевым скотоводством. Эта маргинальная группа казахского социума, получившая в литературе название «джатаки», со временем практически полностью утрачивала свои связи с пастбищно-кочевой общиной – аулом и постоянно проживала на территории казахских поселков Сибирской линии, работая в хозяйствах казаков.

Как правило, казаки нанимали казахов для ухода за скотом, на земледельческие работы, заготовку сена и дров, женщины предлагали услуги в ведении домашнего хозяйства. Исследователь истории Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев писал: «Нет по Иртышской линии сколько-нибудь зажиточного крестьянского хозяйства, в котором не было бы одного-двух-трех работников или работниц из джатаков... нередки случаи перехода таких джатаков в качестве «крестных» и «питомцев» в казаки и мещане. Есть джатаки, которые могут указать не только отцов, но и прадедов, не знавших другого быта, кроме джатачества; они отлично говорят по-русски, не обходятся без хлеба и чая, не знают иного жилища, кроме русской избы, и не могут представить себе, как бы они устроились, если бы судьба вновь выкинула их в степь, где нет привычной для них обстановки и заработков» [5, с. 20].

Таким образом, этническое взаимодействие не ограничивалось экономическим кластером. Контакты между представителями двух этносов сопровождались взаимным заимствованием достижений материаль-

ной и духовной культуры, в условиях нехватки женского населения на сибирских линиях смешанные русско-казахские браки были довольно распространенным явлением. На билингвизм сибирских линейных казаков и их прекрасное знание казахских обычаев указывало большинство представителей местной администрации, исследователи региона и путешественники. Вот что в этой связи писал Н.М. Ядринцев: «На окраинах войска и по линии казаки почти полностью утратили свой язык и полностью разговаривают по-киргизски. Имея частые сношения с киргизами, они ввели этот язык даже в свой домашний обиход. В станицах часто приходится видеть, что казачья барышня, дочь казачьего чиновника, отдает свои приказания по-киргизски, и киргизский заменяет здесь французский язык. В Омске нам указывали на одного казачьего чиновника, приехавшего из степи, который не мог изложить содержание дела по-русски и, забывшись, начал передавать его по-киргизски, совершенно упуская из виду, что слушатель его не понимает» [6, с. 284].

Киргизская миссия, учитывая факт активного социокультурного и экономического взаимодействия между двумя этносами, развернула религиозную пропаганду в первую очередь именно среди казахов-джатаков, а первые миссионерские станы – своего рода административные единицы миссии создавала на территории казахских поселков Сибирского войска – Большенарымском, Долонском, Буконьском, Шульбинском – как центрах этнокультурного взаимодействия двух народов. И лишь на рубеже XIX–XX вв. Киргизская миссия продвинулась в глубь казахской степи и организовала работу среди казахов-кочевников, открывая свои станы вблизи поселков русских крестьян-переселенцев.

Совместное проживание русских и крещенных казахов на территории одного поселка рассматривалось как позитивное и необходимое условие успешной социокультурной адаптации новокрещенных и реализации программы «русификации». Оно должно было способствовать вовлечению последних в процесс оседания, заимствованию опыта ведения земледельческого хозяйства, образа жизни и нравов российского крестьянина.

Соседству новокрещенных с русскими миссионеры придавали огромное значение. «Русский для крещенного инородца есть прежде всего живой пример христианской жизни, – писали они, – затем он для инородцев, как крещенных, так и некрещенных, живой пример патриотической любви к своему государю и Отечеству и даже пример русской культурной жизни. Всем этим условиям вполне может удовлетворить только чисто русский православный человек» [7, с. 18]. Миссионеры рассчитывали, что русские будут верными союзниками миссии. Предполагалось привлекать крестьян-переселенцев и казачество

к непосредственной пропагандистской работе среди кочевников-казахов, так же использовать их как источник поступления денежных средств на нужды миссии.

Однако очень скоро миссионерам пришлось убедиться, что «...нравственная жизнь новокрещенных, не имеющих свои пристанища, под влиянием нередко ленивого и бесшабашного казачества оставляет место глубокой скорби» [8, с. 9]. Казачество было крайне религиозно-индифферентно, не соблюдало постов, не посещало храмы даже в большие церковные праздники, очень непочтительно относилось к духовенству, предавалось разгулу и пьянству. «Нечего было говорить о любви к ближнему, а об отношениях их (казаков. – Ю.Л.) к окружающим киргизам и тем более...», – констатировали миссионеры [9, с. 9].

Не оправдали надежду миссионеров и крестьяне-переселенцы. В 1905 г., после начала реализации Столыпинской аграрной реформы, огромная масса крестьянства, переселившаяся в казахскую степь, демонстрировала полное равнодушие к религиозной составляющей своего быта. Начальник Киргизской миссии епископ Киприан в 1908 г. в этой связи писал: «К великому удивлению, переселенцы, киевские и черниговские крестьяне, эти выходцы из “святых” губерний, представляют из себя сырой материал едва ли не полной религиозной неразвитости: они не знают главных молитв, ...исповедоваться не умеют, ... в церкви стоять не умеют... К этому религиозному невежеству нужно прибавить общую умственную темноту» [10, с. 40–41].

Довольно часто миссионеры фиксировали случаи недоброжелательного отношения казаков к новокрещенным казахам, которое проявлялось при их найме в хозяйства крестьян или казаков. Последние отдавали предпочтение казахам-мусульманам, нежели казахам, приобщенным к православной церкви. Миссионер Долонского стана Киргизской миссии объяснял сложившуюся ситуацию следующим образом: «...Работниками казаки предпочитают держать киргизов (мусульман. – Ю.Л.), с которыми они обращаются как с рабами, ...и заставляют их работать семь дней в неделю. Новокрещенный же, будь он даже плохим христианином, все же в воскресный день или праздничный день требует отдыха, свободы, а не позволяет уже располагать собою как вещью, что казаку крайне не нравится». И даже в случаях, когда новокрещенные получали работу, казаки при расчете обирали казахов, «брали большие проценты за аренду земли, притесняли своей властью» [11, с. 9–10].

Изначально предполагалось, что принявшие православие казахи будут зачисляться в казачье сословие. Генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский, посетивший Буконьский стан Киргизской миссии в 1887 г., посоветовал «...предложить новокрещенным: не пожелают ли они поступить в казачье сословие,

но с тем, чтобы причисление их не было обязательным для новокрещенного, а предоставлено свободному желанию каждого. Поступивший в казаки будет свободен от воинской повинности, в надел земельный получит узаконенное число десятин земли не из числа назначенного для надела новокрещенного, а из запасной войсковой земли или свободных киргизских земель» [12, с. 20–21]. Подобное предложение было направлено на решение двух основных проблем: во-первых, приписка к Сибирскому казачьему войску позволила бы без особых проблем интегрировать новокрещенных казахов в социокультурное пространство империи, во-вторых, автоматически решалась бы проблема наделения казахов землей, так как по действующему законодательству записавшиеся в казаки получали право на земельный надел.

Действительно, в свидетельствах современников эпохи мы находим информацию о случаях зачисления казахов в казачье сословие еще до организации деятельности Киргизской миссии. Более того, это была довольно широко распространенная практика, которую использовало государство по отношению ко вновь присоединенным азиатским народам и которая являлась составляющей процесса принятия подданства империи. Хорошо известно, например, о массовом крещении калмыков, которые переселились на территорию Российской империи в 50-е гг. XVIII в. из Джунгарии, и столь же массовом зачислении их в казаки Оренбургского казачьего войска, или крещении и зачислении китайских эмигрантов, бежавших из Синьцзяна в результате антицинских восстаний в 70–80-е гг. XIX в. в казаки Семиреченского казачьего войска. Приписка к казачьему сословию, безусловно, рассматривалась как гарантия преданности короне и являлась попыткой исключить возможность участия присоединенных народов в антиправительственных выступлениях.

Однако, как свидетельствуют архивные данные, после крещения казахи не спешили приписываться к казачьему войску, а российская администрация особо не настаивала. Одной из причин данной позиции властей являлось, на наш взгляд, то обстоятельство, что после реализации целой серии законодательных актов (Уставы о «Сибирских киргизах» 1822 г. и «Оренбургских киргизах» 1824 г., «Временные положения об управлении областями Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского генерал-губернаторств 1867–1868 гг.») был завершен процесс присоединения казахских кочевий к империи. В результате проведения реформ здесь была введена российская территориально-административная система управления, судопроизводство на основе российского законодательства и налоговая система. Таким образом, довольно успешно была осуществлена интеграция казахского общества в общеимперское пространство, и это общество идентифицировалось

теперь в имперском сознании как «свое», жесткая необходимость гарантий его верноподданнических чувств стала необязательной, а значит, стало необязательным и зачисление в казачье сословие.

В начале XX в. была предпринята попытка внедрить политику приписки новокрещенных к сельским обществам. На практике оказывалось, что новокрещенные казахи «...живут в русских селениях неприписанными, на правах разночинцев, т.е. не имеют никаких прав на всевозможные общественные удобства». Зачисляться в крестьянское сословие было невыгодно, поскольку «после приписки они должны платить государственные подати и земские сборы, что составляет в крестьянских селениях не менее 78 рублей в год» [13, с. 8]. Тяжелое экономическое положение казахов миссии исключало возможность внесения в государственную казну таких сумм. Поэтому большинство из них так и не воспользовались правом вступления в сельские общества, а значит, не могли рассчитывать на получение земельного надела как стабильного источника средств существования.

Однако главной причиной неприписки новокрещенных казахов к казачьему или крестьянскому сословию являлась проблема землеустройства. На рубеже XIX–XX вв. она была актуальной не только для Киргизской миссии, но и для большинства российского крестьянства, переселившегося на территорию Степного генерал-губернаторства. Как правило, все земельные угодья уже были распределены – большая их часть принадлежала Сибирскому линейному казачьему войску, Кабинету или была отмежевана у казахского кочевого населения для Переселенческого земельного фонда. Таким образом, «свободных» земель, а значит и возможности землеустройства новокрещенных казахов в регионе не было. Казаки и крестьяне, как выяснилось, «делиться» землей с новокрещенными казахами не желали. В Большена-рымском стане Киргизской миссии казаки требовали «деньги с новокрещенных только за то, что они живут в их поселке» [14, с. 30].

Часто сельские общества противодействовали открытию новых станом миссии, считая новокрещенных конкурентами в вопросе получения земли. Были известны случаи открытого противостояния между казахами и русскими в данном вопросе. Один из таких примеров оставил нам в своих «Отчетах о деятельности...» служащий Киргизской миссии Стефан Борисов. По его свидетельству, казахское население «вообще враждебно» относилось «к поселению русских на Алтае». Поэтому в 1894 г. новокрещенные казахи Черно-Ануйского стана, который административно подчинялся Алтайской духовной миссии и на территории которого проживало большое количество новокрещенных казахов, мигрировавших в регион в 60–70 гг. XIX в., обратились к местному миссионеру с просьбой о том, чтобы он «похлопотал

о выселении русских из Черного Ануя». Миссионер отказался выполнить их просьбу на том основании, что не имел на это никаких полномочий, «...тем более что заселение русскими Алтая происходит по прямому распоряжению гражданского начальства». Казахи восприняли отказ миссионера как свидетельство негативного отношения к ним со стороны первого и в итоге избили миссионера [7, с. 17].

В 1906 г. в Черно-Ануйском стане, по сообщениям С. Борисова, вновь «...завязалась сильная вражда между русскими и инородцами на земельной почве... Крестьяне, зарясь на занимаемое новокрещенными киргизами и калмыками урочище Турату, завели тяжбу, чтобы оттянуть эту местность себе. Они употребили все меры, чтобы выжить киргизов из селения. На мои обращения (миссионера. – Ю.Л.) к киргизам, почему они перестали ходить в церковь, – киргизы отвечали: «Нельзя ходить, русские нас в церкви толкают, обзывают, дразнят и т.д. А миссионеры стоят за русских, наших прав не поддерживают, например, в выборе церковного старосты из инородцев!». Русские обвинили киргизов в приверженности мусульманским обрядам и открыто выражали пожелание – пусть-де уходят в мусульманство, – рассчитывая, что они с тем уйдут и из селения. Действительно, под влиянием такой вражды и притеснений со стороны крестьянства... среди киргиз началось отступническое движение, усиленно разогреваемое начавшими часто посещать Черный Ануй татарами и киргизами из-за Иртыша». Русские крестьяне буквально задались целью «вытеснить отсюда (миссию. – Ю.Л.), путем достижения признания Черного Ануя чистым приходом: тогда-де с киргизами нетрудно будет справиться. ... Выдавались моменты, когда крестьяне готовы были броситься на несчастных киргизов Тураты, чтобы силою выгнать их отсюда» [15, л. 1–2].

Проблему землеустройства Киргизской миссии пытались решать на уровне местной администрации. Учитывая сложность ситуации и весьма непростые межэтнические отношения, было принято решение о создании автономных поселков для новокрещенных вдали от казачьих станиц и русских переселенческих деревень на специально выделяемых участках. На их территории предлагалось организовать различные производства, «...открыть миссионерское промысловое хозяйство, которое могло бы постоянно поддерживать средства для существования новокрещенных» [16, с. 9], создать для них дополнительные рабочие места.

В 1895 г. Долонскому стану миссии по распоряжению генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского был передан в безвозмездное пользование земельный надел в размере 1500 десятин земли, на территории которого в 1896 г. был создан пос. Преображенский. Многие новокрещенные Долонского стана переселились в открытый миссионерский поселок,

завели небольшое хозяйство и занимались хлебопашеством. «Засевали в среднем не более двух десятин земли каждая семья, в зависимости от численности семей им выдавалась ссуда зерном для посева. Некоторые семьи имели на пашне свои дома, в которых проживали во время сева и уборки урожая. В зимнее время многие новокрещенные занимались заготовкой дров, продавая их затем в Долони казачеству, или отвозили на продажу в Семипалатинск, некоторые занимались сапожным ремеслом, тем самым зарабатывая на свое существование» [17, с. 4]. К 1913 г. количество новокрещенных казахов, проживающих в п. Преображенском, составило, по сообщению миссионера, около ста человек, и он стал вторым по численности поселком для новокрещенных Киргизской миссии после Центрального стана в Заречной слободе Семипалатинска [18, с. 58–68].

В 1895 г. с разрешения Кабинета Его Императорского Величества Главное управление Алтайского округа выделило для новокрещенных Большенарымского стана Киргизской миссии сенокосной и пахотной земли 1000 десятин в урочище Тумараш. В новом поселке поселились 20 семейств крещенных казахов, «13 из которых проживали в домах, построенных на средства миссии, остальные построили жилье на собственные средства». Однако при наделении земель казахов Большенарымского стана управление выдвинуло арендные условия, по которым первые три года новокрещенные могли пользоваться землей бесплатно, по истечении льготного времени платить за аренду по 10 коп. за десятину [17, с. 11]. В 1899 г. за аренду земли новокрещенные казахи Большенарымского стана должны были заплатить Алтайскому горному округу 100 руб., что, как отмечал миссионер поселка, при поголовной бедности казахов было практически невозможно. В итоге выделенный земельный участок активно не заселялся, и в последующие годы здесь продолжало жить 13 семейств: «...большая часть киргиз (казахов. – Ю.Л.) признала выгодным для себя остаться на заработках в соседних поселках и селениях» и сдавала в аренду свои наделы «нежелательным их соседям – раскольникам» [19, с. 12–14].

В 1905 г. после ликвидации Большенарымского стана новокрещенные казахи пос. Тумараш были переселены в пос. Преображенский. Оставшиеся в п. Большенарымском крещенные казахи несколько раз обращались к властям с просьбой выделить им земельный участок в «смежном от урочища Тумараш более плодородном участке Алыбай, ... но все эти прошения о насущном хлебе, – писал миссионер, – были признаны не заслуживающими уважения. Пытались было просить о возвращении им старой земли, которую они пользовались в степи до своего крещения, и в этой просьбе им отказали, мотивируя отказ тем, что все новокрещенные лишаются участия

в родовом их землепользовании со дня их крещения, и что земля нужна для киргиз» [20, с. 8–9].

Таким образом, проблема наделения земель новокрещенных казахов решалась очень болезненно, большинство станом Киргизской миссии так и не получили в свое пользование земельные участки. Попытки миссионеров привлечь к решению данной проблемы общественность успехов также не имели. Нам известен только один случай, имевший место в 1902 г., когда Татарскому стану миссии земельный надел в размере 635 дес. пожертвовала вдова есаула М.И. Баранова.

Сложное положение новокрещенных очень ярко иллюстрирует их обращение к властям, записанное миссионером Шульбинского стана священником Григорием Латкиным: «Мы, новокрещенные Шульбинского стана, со времени принятия Святого крещения перебивали во многих селениях и деревнях Семипалатинской области и Томской губернии, но нигде не можем найти своего общества и своего клочка земли, всюду земля чужая и всяк для нас чужой, благодаря чему нам приходится платить положительно за каждую борозду земли, за каждый клочок земли, за каждое полено дров» [11, с. 6].

Результатом нерешенности землеустройства крещенных казахов явилась крайняя нужда большинства из них, и Киргизская миссия вынуждена была постоянно оказывать им материальную помощь. В ее бюджете всегда присутствовала статья, определявшая сумму на благотворительность, вещи при крещении, лекарства больным и бедным и т.д. «Для развития и поддержки в новокрещенных хлебопашества и для ограждения их от эксплуатации в Большенарымском стане... основан для них хлебный запасный магазин: закуплено пшеницы около 400 пудов и овса 25 четвертей» [21, л. 13об.], «беднейшим из них миссия выдает: хлеба для посевов, денег для поддержания хозяйства, одежды и прочие попечительства» [22, с. 4]. Практически в каждом из станом миссии были открыты попечительства о бедных, целью деятельности которых было «...вспомогательствовать бедным жителям и школам», а также содействовать церковному строительству в станах миссии [23, с. 5–6]. Но эти меры носили половинчатый характер и не могли повлиять на положительный исход решения проблемы безболезненного социально-экономического устройства новообращенных казахов. Поэтому многие из них покидали станы миссии или поселки для новокрещенных, в поисках источников доходов уходили на заработки в другие районы, чаще всего на Алтайские горнорудные предприятия, промыслы Семипалатинска, Усть-Каменогорска, в Павлодар, Омск. Это обстоятельство не позволяло миссионерам «...постоянно и бдительно следить за их жизнью и нравственностью» [13, с. 10]. В ежегодных «Отчетах» приводились данные о количестве новообращенных,

«живущих в отдаленности и утерявших из вида». В разные годы это число варьировалось от 200 до 500 человек.

Гораздо успешнее служащими Киргизской миссии была реализована идея распространения русского языка и церковно-приходского образования среди казахского населения, несмотря на определенные трудности не только из-за слабой финансовой поддержки государства, но и из-за расхождений по этому вопросу между церковными и светскими властями.

Светские власти в вопросе школьного строительства в азиатской части империи предпочтение отдавали школам Министерства народного просвещения. В этой связи, например, генерал-губернатор Степного края в «Отчете» за 1895 г. отмечал, что «в Степных областях признано желательным учреждение школ в наибольшем количестве, независимо от ведомств, к которым школы будут принадлежать, причем для степных областей преимущество отдано школам Министерства народного просвещения по следующим соображениям: уже одно название Министерства указывает на цель его учреждения; располагая достаточным количеством учителей и чиновников для инспекций, а также специальными заведениями для образования первых, это Министерство, без сомнения, может успешнее выполнять обязанности по народному образованию, чем приходское духовенство, отвлекаемое от наблюдения церковно-приходскими школами, лежащими на них священническими обязанностями».

Преимущество школам Министерства народного просвещения отдавалось и по причине «иноплеменности большинства населения» степных областей, вследствие чего, хотя «сравнительно нечасто, киргизы отдают своих детей в русские школы, но с передачей таковых в ведение духовенства можно с уверенностью предсказать, что подобное весьма желательное совместное обучение может совсем прекратиться». Тем не менее процесс открытия миссионерских школ проходил довольно активно. Динамика этого процесса отражена в таблице 1.

При открытии школ учитывались три важных обстоятельства: во-первых, экономическая и финансовая несостоятельность большинства новокрещенных. Поэтому обучение для детей было бесплатным, в Центральном, Большенарымском, Буконьском и Атбасарском станах миссионерские школы содержались на средства миссии, а остальные – на средства Сибирского казачьего войска. Во-вторых, в силу того, что многие новокрещенные были вынуждены искать работу в отдаленных от станом районах, для их детей создавались приюты при школах, в которых обучались в том числе и осиротевшие дети. Например, в 1902 г. такие приюты действовали в Буконьском, Центральном, Атбасарском станах, и проживало в них до 50 детей новокрещенных [24, с. 22]. И, в-третьих, для

Таблица 1

Станы и школы Киргизской миссии Омской епархии в 1898–1913 гг.

Год	Кол-во станов	Штат мис- сии, чел.	Количество кре- щенных казахов		Кол-во церквей	Кол- во школ	Количество учащихся			
							казахи		русские	
			муж.	жен.			муж.	жен.	муж.	жен.
1898	9	20	38	21	9	6	24		245	
1899	9	28	38		9	8				
1900	9	28	43	15	9					
1901	9	26			9		51		306	
1902	9	21	42	24	9	9	19		173	101
1903	9	25	24	8	9	9	264			
1904	9	25	21	9	9	9	284			
1905	9	25	18	4	9	9	345			
1906	8	22	6	2	9	10	462			
1907	7	22	1	–	9	7	17		187	
1908	7	22	5	3	9	9	27		234	
1909	7	22	6	–	9	10	10	7	328	
1910	8	23	5		9	16	30	5	436	208
1911	8	26	6	4	9	17	15	17	482	218
1913	8		3	–	9	18	52	11	360	252

более успешного внедрения русского языка ставка была сделана на создание смешанных миссионерских школ, где за одной партой сидели русские и казахские дети.

Программа обучения в миссионерских школах выстраивалась в соответствии с программами одно-, двух- или трехклассных церковно-приходских школ. Посетивший миссионерскую школу пос. Преображенского в 1897 г. семипалатинский краевед Н.Я. Коншин так описывал процесс обучения: «Мальчики и девочки обучаются в устроенной в поселке трехклассной школе. Преподают Закон Божий, арифметика, русский и киргизский языки, причем в первом и отчасти во втором классе преподавание происходит на киргизском языке, в 3-м – на русском. Киргизские книги употребляются исключительно с русским алфавитом и без всякой, по возможности, примеси татарских и арабских слов. Учитель в школе – крещенный татарин, окончивший курс в Казанской миссионерской школе Братства Святого Гурия. Из школьников составлен хор, который в церковные праздники поет на русском и киргизском языках» [25].

Выпускники школ миссии имели возможность продолжить религиозное образование в Казани, но наиболее «популярным» было Бийское (г. Бийск) катехизаторское училище, подчинявшееся Алтайской миссии и занимавшееся подготовкой кадров для миссионерского дела. В 1895 г. здесь обучалось 5 казахов [7, с. 20]. В начале XX в. возникла идея о создании собственного катехизаторского училища, поскольку Бийское «...не может вполне быть пригодно» для Киргизской миссии, так как «...в нем не изучается киргизского языка, не дается сведений о мусульман-

стве, не преподается и полемика против него ...». В 1902 г. миссия ходатайствовала перед епархиальными властями об открытии в миссии своего катехизаторского училища [11, с. 21–22], но идея так и не была воплощена в жизнь.

В то же время следует отметить, что обучение в миссионерских школах и приютах Киргизской миссии не ставило задачи подготовки кадров, каждому учащемуся предоставлялось право выбора, более того, учителя школ делали все возможное для успешного перехода учеников «во взрослую жизнь». Так, в 1901 г. в школе Центрального стана миссии – Заречной слободе – в порядке эксперимента была открыта столярная мастерская, чтобы, окончив школу, учащиеся имели «...в запасе полезные познания хоть в каких-либо ремеслах». На занятиях они изготавливали «табуреты для своей комнаты, рамки для картин, ...для этого назначено определенное время, установлены очереди, чтобы мастеру было легче следить и делать указания» [26, с. 10].

Методика воспитания основывалась на принципах покорности и безропотности. В то же время учащимся прививались навыки самообслуживания, культуры поведения, труда. В одном из ежегодных отчетов миссии было записано: «Наблюдатели школы и приюта заботились о том, чтобы приучить воспитанников обходиться без прислуги, делать самим все за себя... Составляли, например, графики дежурства, воспитанники ежедневно сами мыли посуду, убирали спальни, топили печи в помещениях» [26, с. 12–13].

Миссионерские школы, безусловно, имели положительное значение для социокультурной адаптации новообращенных казахов. И даже когда с 1905 г.

обозначилась тенденция к закрытию некоторых станций миссии по причине их низкой эффективности и сокращения бюджета миссии, данный процесс не затронул школьную систему – количество школ продолжало расти.

Сотрудниками миссии для более успешной культурной адаптации новообращенных уделялось большое внимание преодолению языкового барьера – изучение миссионерами казахского языка, перевод религиозной литературы на казахский язык, а также пропаганда и внедрение русского языка среди кочевого населения. Непосредственный перевод религиозной литературы осуществляли сотрудники миссии, а координировала работу и занималась изданием специально созданная в Казани Переводческая комиссия. Масштабы ее деятельности можно оценить по каталогу изданий на казахском языке, которые она имела на своих складах к 1914 г.:

1. «Жизнь князя Владимира и крещение Руси». Казань, 1894;
2. «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Казань, 1891, 1894;
3. «Шестопсалмис». Казань, 1904;
4. «Чудеса Иисуса Христа». Казань, 1893;
5. «Езги Варвара». Казань, 1903;
6. «Иосиф прекрасный». Казань, 1902;
7. «Букварь». Казань, 1906
8. «Требник». Казань, 1904;
9. «Святая Екатерина». Казань, 1903;
10. «Житие Святого Пантелеимона». Казань, 1898;
11. «О холере». Казань, 1905.;
12. «Иов». Казань, 1905;
13. «Русская история». Казань, 1905;
14. «Рассказы из жития святых» в 2 кн. Казань, 1901;
15. «Учение о православной вере». Казань, 1901;
16. «Священная история Ветхого завета». Казань, 1908;
17. «Киргизско-русский словарь». Казань, 1903;
18. «Святое Евангелие». Казань, 1899, 1910 [27, л. 206–207].

В штате миссии находились переводчики – представители казахского или алтайского населения. Например, псаломщиком Киргизской миссии в 1883 г. был назначен Степан Тегешев, инородец, окончивший полный курс учебных предметов Казанской учительской семинарии.

Насколько результативным оказался процесс социокультурной и хозяйственной адаптации новообращенных, насколько глубоко подверглась трансформации традиционная культура и религиозное сознание новокрещенных, мы можем судить по сообщениям служащих Киргизской миссии. По их наблюдениям, новокрещенные весьма охотно перенимали внешнюю сторону жизни русского крестьянина-переселенца.

Например, в п. Преображенском казахи практически полностью заимствовали русский образ жизни и быт. В поселке «...были намечены две улицы, вдоль которых и разбросано около 20 маленьких домиков из сырцового кирпича. Повсюду работают: делают кирпич, строят. ...Обстановка в домиках русская: столы, скамейки, образы в углу и пр. ...Вся жизнь новокрещенных проходит под наблюдением миссионера, который настойчиво приучает жить их на русский лад. Обстановка в домиках, одежда, еда – все должно быть такое же, как у русских крестьян» [25].

Служащий Киргизской миссии Ф. Синьковский в 1887 г. отмечал, что крестившийся казах Буконовского стана «прежде всего желает видеть в хозяине своем не прежнего хозяина, подчас деспота, а брата, а потому и отношений требует к себе братских; всякое презрительное слово, в особенности обозвание его «собакой», так обычное на языке казаков, глубоко его оскорбляет; у него является сознание того, что он человек, не только крещенный, но и человек уже русский. Как следствие такого сознания, с одной стороны, и нежелания признать, в особенности последнего, с другой – являются ссоры, раздоры. ...у него (крещенного казаха. – Ю.Л.) является естественное желание жить, как русские живут, самостоятельно. Но для этого надо многого, а у него нет и малого. Признавая себя русским, новокрещенный стремится во всем подражать русским. Но как и везде, перенимает прежде всего то, что ласкает взор человека. Казаки – непомерные щеголи. Ненужную «обнову» казак всегда предпочитает существенному и необходимому. Эта страсть к щегольству нередко приводит к непокупке того, что необходимо в хозяйстве, которое, к слову сказать, ведется у них крайне небрежно и нерационально. ...Неудивительно, если новокрещенный, живя среди любящих пощеголять казаков, стремится к тому же, да и вообще, новокрещенные Киргизской миссии во всем стараются подражать русским. ...Принявший крещение здешний киргиз сразу бросает все, что только напоминает ему киргизское; он охотно готов, так сказать, облечься во всего внешнего русского человека и воспринимать всю хозяйственную обстановку, если бы только были у него для этого средства. ...Из новокрещенных каждый готов жениться на русской, и каждая новокрещенная готова выйти за русского. Благодаря обрусению киргиз христианство здесь прививается скорее и прочнее». При этом миссионер указывал, что процесс «русификации» глубоко затронул лишь тех казахов, которые «до крещения своего жили у русских по несколько лет. Но не можем сказать того же о киргизах, которые для крещения приходят прямо из степи» [28, с. 28–30]. Последнее предложение свидетельствует о том, что новокрещенные, не имевшие опыта общения с русскими и не проживавшие с ними совместно в течение хотя бы небольшого отрезка времени, демонстрировали в гораздо меньшей

степени трансформацию традиционного религиозного мировоззрения и образа жизни. Например, крещенные казахи Черноануйского стана продолжали показывать «... сильное расположение к мусульманству», соблюдали мусульманские посты и праздники, устраивали поминки по мусульманской традиции. «... Вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные» [15, л. 40].

Весьма поверхностное знакомство новокрещенных с канонами православия, нежелание глубже познакомиться с его обрядовой стороной объяснялась служителями миссии с позиции цивилизационных различий. «Кочевник, сроднившийся с раздольем и свободной кочевой жизнью, — писали миссионеры, — воспитавшийся и выросший в ее условиях и привычках, приспособившийся к ней всеми подробностями и мелочами своего быта и обстановки, под ее влиянием создавший все свое мировоззрение, конечно, только с величайшим трудом мирится с совершенно новыми для него условиями оседлой жизни и с неохотой садится на землю, и то не каждый» [29, с. 20].

Проживая длительное время среди казахов, миссионеры четко определили их «национальный характер», главной чертой которого являлось свободолобие и привольная кочевая жизнь. «Ему тесны каменные палаты и меблированные комнаты, для него нужен широкий простор. Таким образом, самая жизненная обстановка служит ему немало важным для вольного сына степи препятствием к переходу в христианство», — писали миссионеры.

Неприемлемым для казахов, по мнению миссионеров, являлся и христианский пост, предписывающий питаться исключительно растительной пищей. В силу же особенностей хозяйства и связанного с ним кочевого образа жизни казахи привыкли употреблять в пищу мясные блюда и кисломолочные продукты. В этой связи в одном из отчетов служащие миссии отмечали, что «при переходе в христианство ... резкая перемена молочной пищи на растительную отзывается на большинстве неблагоприятно. От ржаного хлеба и твердой пищи является у них боль. ... Растительная пища назначена, по мнению киргиза, для скота, человек же должен питаться от скота» [30, с. 6]. Поэтому мусульманский пост казахам был ближе, чем христианский.

Таким образом, кочевой образ жизни, особенности быта, а также во многом языческое мировоззрение становились препятствием для глубокой трансформации религиозного сознания новокрещенных и успешной социокультурной адаптации. «... Высокое христианское учение для киргиза малопонятно, — писали миссионеры, — любовь ко всем людям, прощение обид,

положение женщины в семье, все это истины, которые не соответствуют характеру киргиза. ... Христианское учение о загробной жизни киргизу совсем не нравится и выслушивает он его всегда неохотно» [26, с. 29].

Различный «цивилизационный код» отрицательно сказывался даже на адаптации казахских детей в миссионерских учебных заведениях. Несмотря на отмечаемые миссионерами способности к обучению и любознательность, казахским детям приходилось очень тяжело во время занятий физически переносить такую нагрузку. Учителя школ отмечали, что учащиеся буквально оживлялись во время летних работ, более активно вели себя, «... так как природным степнякам приятно освежиться воздухом после зимнего заключения в четырех стенах, ибо замечается даже, что перемена образа жизни и занятий с киргизского кочевого на оседлое, а тем более перемены совершенного почти отсутствия умственного труда на книжные занятия — это не всегда благоприятно проходит для киргиза: без видимых причин человек чахнет и дело заканчивается ранней смертью, скоротечной чахоткой» [26, с. 12–13].

Таким образом, служащие Киргизской миссии использовали целый комплекс мер, направленный на успешную социокультурную и хозяйственную адаптацию новокрещенных казахов. К числу таких мер относились: устройство миссионерских станом и миссионерских поселков, привлечение на службу в миссию русского православного населения, решение проблемы землеустройства, реализация программы социальной поддержки (материальная, медицинская помощь), организация деятельности миссионерских школ и русского языка, активная переводческая деятельность и распространение литературы религиозного содержания среди крещенных казахов. Однако на пути реализации встретились трудности объективного и субъективного характера.

Во-первых, миссионерам не удалось использовать «человеческий» ресурс. Религиозная индифферентность большинства казачества и крестьян-переселенцев, их невысокий морально-этический уровень развития оказали отрицательное влияние на процесс социокультурной адаптации новообращенных и на формирование их религиозно-нравственного состояния. Надежды служащих Киргизской миссии на сочувственное понимание задач миссии и практическую помощь со стороны православного населения региона не оправдались.

Во-вторых, безуспешной оказалась попытка интеграции новообращенных казахов в социальную структуру российского общества. Приписка к казачьему и крестьянскому сословию была экономически невыгодна новокрещенным потому, что они становились обязанными платить соответствующие налоги или по прошествии льготных лет нести воинскую службу. Со своей стороны казаки и крестьяне были

против вступления новообращенных в их общества, поскольку обязаны были предоставить последним земельный надел, а «лишней» земли у них не было.

Нерешенной оказалась проблема землеустройства новообращенных казахов. Все земли региона находились в пользовании Сибирского казачьего войска, казахов-кочевников или были отмежеваны у последних в Переселенческий земельный фонд. Попытки сотрудников миссии использовать административный ресурс для решения данной проблемы имели небольшой экономический эффект — земельные участки получили лишь три стана миссии из девяти. Но по площади они были незначительными, и за пользование ими была установлена высокая аренда, выплата которой была не по силам большинству новокрещенных.

Успешнее всего, на наш взгляд, Киргизской миссии удалось решить языковую проблему и организовать процесс обучения и вовлечь в него местное казахское население. Миссионерские школы были открыты во всех станах и поселках миссии. Безусловно, они, а также переводческая деятельность миссии сыграли положительную роль в деле культурной адаптации

новокрещенных казахов и способствовали распространению русского языка и грамотности среди населения региона.

Процессу социокультурной адаптации новообращенных казахов объективно препятствовал их «цивилизационный код». Кочевой образ жизни и связанные с ним быт, нравы и обычаи, мировоззрение, особенности менталитета значительно расходились с христианской религиозной системой. Именно поэтому крещенные казахи демонстрировали поверхностное знание православной традиции, перенимали только ее внешнюю сторону.

Прямым свидетельством нерешенности проблем социокультурной адаптации и неглубокой трансформации религиозного сознания у новокрещенных казахов являлся процесс отпадания из православия, который получил развитие после революции 1905 г. и обнародования Манифеста о свободе вероисповедания, а также незначительное, по сравнению с данным других православных миссий азиатской России, количество крещений за весь период существования Киргизской миссии.

Библиографический список

1. Главацкая, Е.И. Христианизация без миссионерства: Северо-запад Сибири в XVII в. / Е.И. Главацкая // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тезисы докладов 3-й Международной научной конференции. — Челябинск, 1995.
2. Кириллов, Р.С. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Среднем Поволжье во второй половине XIX в. / Р.С. Кириллов // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценки : межвуз. сб. науч. тр. — Чебоксары, 1988.
3. Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. — СПб., 1904.
4. Эфиров, А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири : исторический очерк / А.Ф. Эфиров. — М., 1947.
5. Катанаев, Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске / Г.Е. Катанаев. — Омск, 1904.
6. Семилужинский, Н. Чокан Валиханов и культурные взаимосвязи народов / Н. Семилужский // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. : в 5 т. — Алма-Ата, 1985. — Т.5.
7. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1895 г. — Томск, 1896.
8. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №14. — 15 июля.
9. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №17. — 1 сент.
10. Омские епархиальные ведомости. — 1909. — №10. — 15 мая.
11. Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1903. — №10. — 15 мая.
12. Томские епархиальные ведомости. — 1887. — №1.
13. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №17. — 1 сент.
14. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1894 г. — Томск, 1895.
15. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). — Ф. 164. — Оп. 1. — Д. 135.
16. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №18. — 15 сент.
17. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №20. — 15 окт.
18. Андриенко, С.Е. История Преображенского стана Киргизской духовной миссии / С.Е. Андриенко // Макарьевские чтения : материалы VI Междунар. конф. — Горно-Алтайск, 2007.
19. Отчет о киргизской миссии за 1901 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1902. — №13–14. — 1–15 июля.
20. Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1906 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1907. — №13. — 1 июля.
21. ЦХАФ АК. — Ф. 164. — Оп. 2. — Д. 34.
22. Отчет о состоянии Алтайской духовной миссии за 1893 г. — Томск, 1894.
23. Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1899. — №21. — 1 нояб.
24. Отчет о Киргизской миссии за 1901 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1902. — №11–12. — 1–15 июня.
25. Яковлев, Н. (Н.Я. Коншин). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки / Н. Яковлев (Н.Я. Коншин) // Семипалатинские областные ведомости. — 1898. — №45–46; 1899. — №4.
26. Отчет о Киргизской миссии за 1901 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1902. — №11–12. — 1–15 июня.
27. Государственный архив Оренбургской области. — Ф. 175. — Оп. 1. — Д. 8.
28. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. — Томск, 1888.
29. Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1905 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1906. — №12. — 15 июня.
30. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. — 1900. — №16. — 15 авг.